

891.71

АБ44

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Филологический факультет

На правах рукописи

ДОЛИНИНА Светлана Яковлевна

Л. Н. ТОЛСТОЙ И М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
В 1850-60-Е ГОДЫ

Специальность 10.01.01 - русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов - 1996

У

Работа выполнена в Саратовском государственном университете им. Н.Г.Чернышевского на кафедре истории критики и теории литературы

- ОК-1
- ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ.
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
- 96-17257
- Научный руководитель - доктор филологических наук профессор В.В.Прозоров
- Официальные оппоненты - доктор филологических наук профессор А.П.Ауэр
- кандидат филологических наук доцент В.В.Смирнова
- Ведущая организация - Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Защита состоится 27 марта 1996 г. в _____ час. на заседании специализированного совета Д.063.74.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Саратовском государственном университете им. Н.Г.Чернышевского 410600, Саратов, ул.Радищева, 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научно-Саратовского государственного университета, ул. 42.

Автореферат разослан 25 марта 1996 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук
доцент

А.В.Б.

89171
Д 644

Актуальность темы исследования. За последнее десятилетие обострился интерес к творчеству Л.Толстого и особенно Салтыкова-Щедрина, чья социальная проблематика и сатирический пафос оказываются удивительно созвучны нашему времени. Что же касается Л. Толстого, то основные проблемы его творчества - духовности, нравственно-философского самоопределения личности, даже его религиозный морализм - актуализируются в нашей современности по вполне понятным причинам. В центре внимания диссертанта - проблема русского национального характера, как она представлена в творчестве Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина. Существенно важными оказываются как схождения писателей по этому вопросу, так и полемика между ними, в том числе и на страницах "Войны и мира" и "Истории одного города" - вершинных созданий Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина.

Научная новизна работы. Тема "Л.Толстой и Салтыков-Щедрин в 1850-60-ые годы" изучена в литературоведении недостаточно. Исследования шли в основном по пути отдельных частных сопоставлений, прежде всего касающихся 1880-х годов. В данной работе впервые представлена попытка системного сравнительно-типологического анализа разных сторон взаимоотношений Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина в сложную эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы: личных контактов, взаимных оценок, творческой полемики, объективных художественных схождений и т.п. Впервые проводится и системное сопоставление "Войны и мира" и "Истории одного города", причем прежде всего в плане проблемы народа и русского национального характера, что также является новым для отечественного литературоведения.

Методологической основой диссертации являются труды отечественных литературоведов, как теоретические, постулирующие прин-

цпы историко-сравнительного и типологического изучения литературы, так и конкретные, посвященные творчеству Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина и особенностям литературного процесса 1850-60-х годов.

Цели и задачи исследования:

- научно-биографическое соотнесение материалов, отражающих "летопись диалога": Л.Толстой - Салтыков-Щедрин в 1850-60-ые годы;
- системное рассмотрение взаимоотношений писателей в широком историческом, литературном и культурном контексте;
- историко-сравнительное и типологическое сопоставление "Войны и мира" и "Истории одного города" с целью выявить как сходства, так и различия в проблематике и поэтике этих произведений.

Научно-практическая значимость работы. Наблюдения и выводы диссертации могут быть использованы в курсе истории русской литературы XIX века, а также в специальных курсах, посвященных творчеству Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина и проблемам историко-сопоставительного и типологического изучения литературы.

Апробация диссертации. Результаты работы были представлены в форме докладов на научных конференциях:

XI Покусаевские чтения, посвященные жизни и творчеству Н.Г. Чернышевского, 1987 г., Саратов (доклад "Л.Н.Толстой и Н.Г.Чернышевский о Шекспире");

Толстовские чтения, 1988 г., Москва (доклад "Л.Н.Толстой и Н.Г.Чернышевский о Шекспире");

конференция "Щедрин и его эпоха. К 100-летию со дня смерти М.Е.Салтыкова-Щедрина", 1989 г., Калинин (доклад "Проблема России и Запада в трактовке Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина. "Анна Каренина" и цикл "За рубежом");

научные чтения, посвященные 100-летию памяти Н.Г.Чернышевского, 1989 г., Саратов (доклад "Лев Толстой и Салтыков-Щедрин: полемический диалог. "Война и мир" и "История одного города");

Толстовские чтения, 1989 г., Москва (доклад "Проблема России и Запада в трактовке Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина. "Анна Каренина" и цикл "За рубежом");

Толстовские чтения, 1990 г., Москва (доклад "Лев Толстой и Салтыков-Щедрин: полемический диалог. "Война и мир" и "История одного города");

Всесоюзная научная конференция, посвященная жизни и творчеству М.Е.Салтыкова-Щедрина, 1991 г., Тверь (доклад "Мотив пожара в "Войне и мире" и "Истории одного города");

Всероссийская научная конференция, посвященная жизни и творчеству М.Е.Салтыкова-Щедрина, 1995 г., Коломна (доклад "Автокомментарии к "Войне и миру" и "Истории одного города").

Структура диссертации. Диссертация состоит из "Введения", двух глав, "Заключения" и библиографии. Содержание изложено на 162 страницах.

Основное содержание работы

Во "Введении" определяются цели и задачи работы и анализируется литература вопроса: работы А.С.Бушмина, А.А.Жук, С.А.Макашина, Л.Д.Опульской, Е.И.Покусаева, В.В.Прозорова, К.И.Тюнькина и др. Отмечается ценность этих работ как в методологическом, так и в конкретно-фактическом плане и делается вывод о необходимости продолжить и расширить исследования в этом направлении и придать изучению темы системный характер.

Глава I. "Л.Толстой и Салтыков-Щедрин в литературной эпохе 1850-60-х годов". 1850-е годы - время становления таланта как Л.Толстого, так и Салтыкова-Щедрина. 1860-е - время зрелости пи-

сателей, создавших в эту эпоху такие крупнейшие произведения, как "Война и мир" и "История одного города". Кроме того, в указанный период происходили наиболее интенсивные взаимодействия между писателями, создавались их литературные репутации. Глава является своего рода "летописью диалога" между Л.Толстым и Салтыковым-Щедриным.

В главе рассматриваются три основных проблемы. Во-первых, каким образом складывались личные и литературные взаимоотношения Л.Толстого с Салтыковым-Щедриным; во-вторых, как формировалось отношение литературной общественности к этим писателям; и в-третьих, как, когда, в каких обстоятельствах упрочивалась их общественно-литературная известность.

В главе охвачен следующий круг источников: художественные произведения Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина, их критические и публицистические статьи, критика и публицистика 1850-60-х годов, эпистолярные материалы, документальная и мемуарная литература.

Знакомство Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина датируется первой половиной 1856 года. К этому времени Л.Толстой и Салтыков-Щедрин встали в первый ряд русских писателей. Как "Севастопольские рассказы" Л.Толстого, так и "Губернские очерки" Салтыкова-Щедрина были чрезвычайно высоко оценены критикой и литераторами той эпохи: Н.Г.Чернышевским, А.В.Дружининым, Н.А.Некрасовым, И.И.Панаевым и др.

К концу 1856 года Л.Толстой и Салтыков-Щедрин впервые непосредственно оценивают друг друга. Отношение Салтыкова-Щедрина к Л.Толстому, высказываемое в литераторском кругу, было в это время вполне благожелательным. Однако в статье "Стихотворения Кольцова", в той ее части, которая не увидела свет из-за вмешательства цензуры, Салтыков-Щедрин дает свою первую печатную оцен-

ку творчеству Л.Толстого, что до сих пор не было отмечено исследователями. Надеясь на рассказ Л.Толстого "Два гусара", Салтыков-Щедрин оценивает его отрицательно именно как произведение определенного "направления". Этот отзыв во многом предвосхищает последующие щедринские интерпретации "Войны и мира" и "Анны Карениной". Л.Толстой в это время относился к творчеству Салтыкова-Щедрина довольно прохладно, что было вызвано прежде всего той позицией, которую занимал Л.Толстой в эстетической полемике середины 1850-х годов, - "художественность" он ценил намного выше "обличения".

В борьбе "художественного" и "обличительного" направлений Салтыков-Щедрин явно принадлежал ко второму. Что же касается Л.Толстого, то тут ситуация сложнее: связанный с "Современником" "обязательным соглашением", он тем не менее не примыкал ни к одной из партий, хотя борьба за него была острой и напряженной. В целом Л.Толстой все-таки склонялся к "художественному" направлению. Размежевание писателей, однако, не помешало Л.Толстому после прочтения "Губернских очерков" признать талант Салтыкова-Щедрина.

К концу 1857 года наметилось падение писательской репутации Л.Толстого, что было связано с публикацией рассказа "Люцерн". В это же время Л.Толстой встретился с Салтыковым-Щедриным (25 октября 1857 года). В состоявшейся между писателями полемике о современной литературе Салтыков-Щедрин сформулировал категоричные эстетические требования "обличительного" направления. В письмах этого времени Л.Толстой обнаруживает и неуверенность в своей эстетической позиции, и ревнивое отношение к литературному и общественному успеху Салтыкова-Щедрина. На крайние эстетические требования Салтыкова-Щедрина отреагировали В.П.Боткин и

И.С.Тургенев, но не печатно, а в ответных письмах Л.Толстому. Их советы писателю - это одновременно борьба за него и отповедь Салтыкову-Щедрину. По-своему ответил на "вызов" Салтыкова-Щедрина и сам Л.Толстой: он даже предполагал купить "Современник" или издавать собственный журнал и последовательно проводить в нем "художественное" направление.

Однако уже через короткое время ситуация изменилась. Правительственные рескрипты, заявлявшие о необходимости крестьянской реформы, привели к тому, что жизнь общества резко "политизировалась". В этой ситуации Л.Толстой видит задачу предполагаемого собственного журнала в воспитании толпы - то есть именно в том, к чему призывал писателей Салтыков-Щедрин. Но одновременно Л.Толстой продолжает считать Салтыкова-Щедрина и все щедринское направление своим главным оппонентом. Однако еще через год взгляды Л.Толстого вновь несколько изменятся: он будет признавать необходимость существования обоих направлений - и "изобличительного" и "изящного", оговорив, правда, что первое удовлетворяет временные интересы общества, а второе выражает интересы вечные. Определенное противопоставление "направлений", очевидно, сохраняется и здесь. В связи с этим необходимо отметить, что для современников пропасть между Л.Толстым и Салтыковым-Щедриным не была абсолютно непреодолимой. Соображения журнальной конъюнктуры часто брали верх над принципиальными соображениями: так, для Дружинина, например, не было ничего противоестественного в том, что Л.Толстой и Салтыков-Щедрин окажутся под одной журнальной обложкой, - но для Дружинина это было тактическим ходом в борьбе с главными противниками - Чернышевским и Некрасовым.

Особый вопрос - редакторские оценки творчества Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина. Они во многом обусловлены журнальной поле-

микой и борьбой за подписку, а потому нуждаются в коррективах. Публичные оценки часто завышались с тем, чтобы расположить писателей в пользу того или другого журнала. Л.Толстой и Салтыков-Щедрин в середине 1850-х годов пользовались большим "спросом". Так, Л.Толстого активно ангажировали "Современник", "Русский вестник", "Библиотека для чтения". Успех "Губернских очерков" Салтыкова-Щедрина привел к тому, что в 1857 году сатирика приглашали восемь журналов и сборников, в том числе "Русский вестник", "Библиотека для чтения", "Русская беседа", "Современник". Последний особенно старался привлечь Салтыкова-Щедрина к сотрудничеству. И здесь оценки завышались; руководители "Современника" Некрасов и Чернышевский в частной переписке обнаруживали довольно скептическое, если не сказать больше, отношение к художественному таланту сатирика. Читатель ждал произведений Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина, что, естественно, самым прямым образом влияло на журнальную политику.

Взаимоотношения Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина в этот период были достаточно сложными. Их взаимные оценки были и положительными, и отрицательными, но никогда не переходили на личность. Писатели встречались (17 марта и 4 апреля 1858 года), и у них находились общие темы для разговора. Одной из них было дворянство. Салтыков-Щедрин обратился к этой теме в "Двух отрывках из книги об умирающих". Л.Толстой слышал это произведение в авторском исполнении и одобрил. Тема "кающегося дворянина", перерастающая в тему "итогов", всегда волновала Л.Толстого. Здесь возникали знаменательные точки схода писателей, тем более существенные, что указанная проблематика станет в их последующем творчестве одной из важнейших. Общей была и тема художественного творчества, сущности и назначения поэтического таланта. Салты-

ков-Щедрин посвятил ей теоретическую часть статьи о Кольцове, а Л.Толстой - повесть "Альберт". Мнения писателей на этот предмет были взаимно полемичными, но в то же время проблема сущности, роли и места художника была еще для обоих достаточно "открытой", что и обусловило возможность личного диалога. Последняя известная нам встреча Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина до сих пор не отмечалась исследователями. Писатели встретились 10 марта 1859 года на чествовании актера А.Е.Мартынова.

В конце десятилетия в миросозерцании и творчестве Л.Толстого назревал кризис, который в конце концов заставил его отказаться от литературы в пользу непосредственной практической деятельности: создания яснополянской школы и преподавания в ней. Свое прежнее творчество он оценивает резко отрицательно, полагая, что повести о том, "как она его полюбила", писать "стыдно". В это время Л.Толстой уже не признавал за литературой способности влиять на читателя, служить людям. По сути писатель отказывал своему творчеству именно в том, чего настойчиво требовал от литературы Салтыков-Щедрин: в нацеленности на непосредственный результат воспитательного характера. И это тем более знаменательно, что эстетическую теорию сатирика Л.Толстой последовательно отвергал.

Итог своим эстетическим взглядам 1850-х годов Салтыков-Щедрин подвел в письме П.В.Анненкову по поводу романа Тургенева "Дворянское гнездо". Сатирик очень высоко оценивал художественность произведения, совершенство формы. Но идейная сторона романа не удовлетворяла Салтыкова-Щедрина: Тургенев не выполнял одного из важнейших эстетических требований сатирика - он не "поучал", в его романе не было "направления" и назидательности. Писателям же с "направлением", с точки зрения Салтыкова-Щедрина,

можно адресовать противоположный упрек: мера художественности их произведений по сравнению с тем же Тургеневым чрезвычайно мала, они "никак не могут форму покорить".¹

Эстетические споры Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина происходили не только при личных встречах. Произведения обоих писателей также несут черты полемики. В частности, в очерке "Первый шаг" Салтыков-Щедрин пародирует психологизм как особенность стиля, что, естественно, связывалось в первую очередь с творческой манерой Л.Толстого. За стилевой полемикой здесь стоит полемика содержательная. Со своей стороны, Л.Толстой в "Декабристах" (1860 г.) также спорит со своим противником, обращая внимание на проблемно-тематическую сторону его произведений.

В 1860-х годах Л.Толстой и Салтыков-Щедрин создают эпохальные произведения - "Войну и мир" и "Историю одного города", - которые во многом подводят итог историческому и художественному опыту писателей. Эпопея Л.Толстого и сатира Салтыкова-Щедрина были подготовлены всем предшествующим творчеством, но именно в произведениях 1860-х годов складывалась проблематика, воплощенная в "Войне и мире" и "Истории одного города".

Замыслы этих книг относятся к началу 1860-х годов, что уже дает основания для сопоставления этих произведений. Необходимость осмысления первых результатов и следствий реформы 1861 года была всеобщей потребностью, которую выразили Л.Толстой и Салтыков-Щедрин. Проблема народа стояла в эту эпоху как нельзя более остро.

---

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20-ти т. Т.ХУШ. Кн.1. - М., 1975. -С.212. Далее цитируется по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

В 1860-е годы и Л.Толстой, и Салтыков-Щедрин всецело обращаются к литературе. Л.Толстой вышел из творческого кризиса и от увлечения педагогикой снова вернулся к литературе. Салтыков-Щедрин расстался со службой и связанными с ней иллюзиями и почувствовал себя прежде всего литератором.

Для Л.Толстого эпоха конца 1850-х-начала 1860-х годов была временем максимального приближения к народу, причем приближения не умозрительного, а практического. Его педагогическая деятельность сыграла в этом процессе решающую роль. В яснополянской школе им был поставлен социально-исторический эксперимент, сущность которого состояла в сближении народа и "образованного сословия". Во всех педагогических статьях этого периода Л.Толстой проводит мысль о том, что не интеллигенция должна учить народ, а, скорее, народ - интеллигенцию. Категория "народной правды" впервые выступает здесь столь отчетливо. В это время Л.Толстой был максимально близок к крестьянскому миру, решительно отстаивал народную точку зрения. В значительной мере именно в этих статьях сформировался своеобразный демократизм Л.Толстого. Тогда же сложились и взгляды Л.Толстого на закономерности исторического развития. Отрицая внешний прогресс цивилизации, писатель признавал истинный прогресс в нравственном самосовершенствовании. Таким образом, позицию писателя в 1860-х годах характеризует сплав демократизма и морализма.

Салтыков-Щедрин в 1860-е годы также видел во взаимоотношениях народа и дворянства одну из важнейших проблем, а разрыв между ними понимал как основной конфликт времени. Анализ этого конфликта содержится в хронике "Наша общественная жизнь", в "Сатирах в прозе" и отчасти в "Невинных рассказах". Но решал эту проблему Салтыков-Щедрин иначе, чем Л.Толстой. Дворянство

еще до реформы было названо сатириком "ветхим", "умирающим". Еще более Салтыков-Щедрин утвердился в этом мнении после реформы. Поэтому к возможности "сближения" между дворянской интеллигенцией и народом писатель относился более чем скептически, а общественные иллюзии на этот счет саркастически высмеивал, показывая, что всякое сближение дворянина с "мужичком" есть не что иное, как "баловство". В этих высказываниях сатирика содержится зерно его будущей полемики с Л.Толстым, которая отразится в письмах Салтыкова-Щедрина 1870-х и особенно 1880-х годов. Религиозно-моралистической концепции Л.Толстого, в которой стержнем было обращение кающегося дворянина к народу и народной правде, Салтыков-Щедрин противопоставил свой трезвый демократизм, отрицающий все иллюзии относительно мужика. Однако в области социально-исторических идеалов Салтыков-Щедрин объективно сближался с Л.Толстым: оба полагали народ альфой и омегой русской жизни и своего рода ориентиром. Другое дело, что для Л.Толстого мужик хорош как он есть, а для Салтыкова-Щедрина мужика еще надо долго и настойчиво поднимать до его потенциального общественно-политического уровня. В конечном итоге это были различия религиозного морализатора и просветителя-демократа. Там, где для Л.Толстого было все ясно (например, в оценке перспектив развития народа), Салтыков-Щедрин оставляет вопрос открытым. Сатирик принципиально отказывается от создания жесткой схемы - в этом его существенное отличие от Л.Толстого, который был склонен решать как социальные, так и философско-нравственные проблемы с точки зрения несомненной (прежде всего религиозной) истины.

Основные выводы первой главы заключаются в следующем. Во второй половине 1850-х годов, когда Л.Толстой и Салтыков-Щедрин познакомились и встречались друг с другом, отношение Л.Тол-

стого к Салтыкову-Щедрину было двойственным. Литературная репутация Салтыкова-Щедрина вызвала в Л.Толстом чувство соперничества. Эстетика Салтыкова-Щедрина как главы "обличительного направления" порождала у Л.Толстого желание противопоставить ей свою эстетическую программу. В то же время оба писателя касались в своих произведениях общих тем, и в этом случае Л.Толстой признавал аналитическую силу таланта Салтыкова-Щедрина, хотя и отказывал ему в художественности.

Салтыков-Щедрин признавал недожинный талант Л.Толстого, но его далеко не всегда удовлетворяло содержание толстовских произведений, в которых сатирик не усматривал актуальной проблематики.

Литературная общественность увидела в Л.Толстом и Салтыкове-Щедрине два сильных таланта. Однако в ее глазах писатели принадлежали к разным направлениям, но обстоятельства журнальной жизни приводили к тому, что Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина печатали и приглашали одновременно самые разные журналы. Это свидетельствует о том, что между писателями не было непроходимой пропасти.

В отношениях писателей и критиков к Л.Толстому и Салтыкову-Щедрину существовала разница. В Л.Толстом видели молодой талант, его стремились учить и направлять. Салтыков-Щедрин не испытывал такой опеки; более того, Салтыков-Щедрин сам явился критиком Л.Толстого.

В 1860-е годы публицистика Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина подготавливала проблематику и круг основных идей, которые получили свое законченное выражение в "Войне и мире" и "Истории одного города". Главной для обоих писателей была проблема народа. В ее понимании и решении писатели обнаруживали как сходство,

так и различия. Их основной общей чертой был демократизм, признание за народом главенствующей роли в жизни общества. Однако Л.Толстой выступает как моралист, а Салтыков-Щедрин - как просветитель. Поэтому Л.Толстой стремился найти решение коренных проблем времени в религиозно-нравственной сфере, безоговорочно принимая за идеал мужика, а Салтыков-Щедрин уповал на социальный прогресс, который подготавливается передовой мыслью и должен изменить сам характер народа и его самосознание. Готовых же рецептов Салтыков-Щедрин не давал.

Глава II. "Проблематика и поэтика "Войны и мира" и "Истории одного города" (Сопоставительный анализ)". В научной литературе до сих пор не проводилось системного сопоставления этих двух произведений. Изучались лишь некоторые частные аспекты данной проблемы. Однако между этими произведениями не могло не быть существенных переключек. "Война и мир" и "История одного города" создавались почти одновременно, и во всяком случае, в одну историческую эпоху. Оба автора ставили схожие проблемы: русского национального характера, соотношения народа и власти, закономерностей и перспектив исторического развития, его движущих сил и т.п. В данном случае важны как сходства, так и различия в проблематике и поэтике обоих произведений, поскольку на одни и те же вопросы писатели смотрели по-разному (что обусловлено в конечном счете разницей в их мирозерцании), но в то же время не могли не сходиться в некоторых существенных моментах (что обусловлено прежде всего тем, что и Л.Толстой, и Салтыков-Щедрин были - каждый по-своему - выразителями эпохи). В главе рассматриваются как факты осознанного взаимодействия между "Войной и миром" и "Историей одного города", так и объективно складывающиеся переключки между этими художественными структурами.

Понимая поэтику как содержательную форму, автор диссертации стремился через анализ ее важнейших элементов (сюжетно-тематические мотивы, характер хронотопа, особенности стилистики и т.п.) выйти на уровень художественной проблематики.

По словам самого Л.Толстого, в своей эпопее он стремился "захватить все". Реализовавшись, эта установка дала такие художественные свойства, как эпичность и универсальность содержания. В самом заглавии произведения уже содержится более чем широкое, глобальное обобщение. В эпопее Л.Толстого речь шла не просто о судьбах отдельных людей, но о жизни народа в целом.

Универсальность содержания "Войны и мира" делает сложным и трудным жанровое определение, что, вероятно, прежде всего почувствовал сам Л.Толстой. Он настаивал на том, что "Война и мир" не может быть определена иначе, как "книга". "Просто книга - как Библия", - пишет Л.Д.Опульская.¹

В "Войне и мире" Л.Толстой воплотил не только свою эпико-драматическую мироориентацию, "доверие к жизни" (А.И.Герцен), но и присущую ему тягу к учительству, проповедничеству. В эпилоге романа он выходит и к широкому демократизму, рассматривая историю как жизнедеятельность народа, и создает в картине лысогорского дома своеобразную утопию. Однако прав был С.Г.Бочаров, отметивший, что толстовская утопия не дает гармонии.² Как и во многих других случаях, Толстой-художник и Толстой-проповедник здесь вступают в противоречие, которое снимается лишь открытым финалом произведения: он восстанавливает эпическое "доверие к

---

¹ Опульская Л.Д. Роман-эпопея Л.Н.Толстого "Война и мир". - М., 1987. -С.48.

² См.: Бочаров С. Роман Л.Толстого "Война и мир". - 3-е изд. - М., 1978. -С.98-99.

жизни".

На первый взгляд кажется, что заглавие "История одного города" несоразмерно толстовскому, не предполагает глобальных обобщений. Однако в щедринском названии принципиально важно количественное числительное, которое выступает как синекдоха, благодаря чему "один" имеет значение "всеобщий". Город Салтыкова-Щедрина тоже по-своему универсален, тоже по-своему "мир". В связи с этим Д.П.Николаев указывал, в частности, что даже месторасположение Глупова нельзя определить точно.¹ Кроме того, в повествовании Салтыкова-Щедрина нет никакого иного города. Не только в пространственном, но и во временном отношении Глупов универсален: как подчеркивал сатирик, его произведение было направлено против "характеристических черт русской жизни", существовавших и в XVIII, и в XIX веке" (УШ, 452). В целом же Салтыков-Щедрин выходил на очень широкие обобщения, осмысляя в своем произведении такие явления, как политический режим, социальный строй, духовный уклад общества, национальный характер.

Жанр "Истории одного города" возможно определить как антиутопию, потому что она направлена не столько на явления прошлого, сколько на современность и, далее, на вневременные исторические приметы русской национальной жизни, которые существовали в прошлом, существуют в настоящем и, возможно, сохранятся и в будущем. Антиутопия часто звучит предупреждением. Финал "Истории одного города", будучи открытым, несомненно, имеет и значение предупреждения.

В свете сказанного можно сделать определенные выводы о характере хронотопа у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина. Художествен-

---

¹ См.: Николаев Д. М.Е.Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. - М., 1985. -С.97-99.

ное пространство у того и другого писателя явно стремится к универсальности. Универсально и художественное время в "Войне и мире" и "Истории одного города". В обоих произведениях время не "эпическое", а "романное", по определению М.М.Бахтина. В "Войне и мире" выражением этого являются прежде всего образы исторических лиц и событий, которые строятся автором явно не в "далевой зоне", по выражению М.М.Бахтина, а в зоне "фамильярного контакта с настоящим". Это разрушает временную "эпическую дистанцию" и служит целям полемики против эпического канона.

В "Истории одного города" романый характер времени проявляется прежде всего в ироническом пародировании времени "летописного", что выражается в постоянном акцентировании различий между образом автора и образом летописца-повествователя, в нарочитых анахронизмах, в разрушении летописного стилистического канона.

Есть и другие общие черты между характером художественного времени у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина, связанные в первую очередь с масштабом обобщения в "Войне и мире" и "Истории одного города". Оба автора стремились осмыслить русский национальный характер, как он сложился исторически, но делали они это с точки зрения современности. И у Л.Толстого, и у Салтыкова-Щедрина по сути нет разницы между мужиком начала XIX века и мужиком 60-х годов, между глуповцем "эпохи варягов" и глуповцем "современным". Время у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина - это не линейное авантирное время, не время хроникально-бытовое. Концепция времени у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина подразумевает наличие неизменной сущности, которая скрывается под пестротой внешних изменений. У Л.Толстого это выражается в идее неизменности смысла человеческой деятельности во все времена, в том,

что характеры (особенно народные) не имеют конкретной временной привязки. Последнее обстоятельство особенно ярко проявляется, в частности, в образе такого "концептуального" героя, как Платон Каратаев: это тот народный русский тип, который постоянно встречается в произведениях Л.Толстого, независимо от того, к какому историческому времени они приурочены и приурочены ли вообще. Та же закономерность прослеживается и в построении многих других образов "Войны и мира".

Сходные черты наблюдаются в организации художественного времени у Салтыкова-Щедрина, хотя на первый взгляд все кажется иначе. Формально у истории глуповцев есть начало и конец, а значит, как бы автоматически предполагается некоторое развитие. Но на самом деле у Салтыкова-Щедрина идея какого-либо развития отвергается. На протяжении всего повествования глуповцы остаются все теми же, какими они были в самом начале. И в смене градоначальников не обнаруживается никакой логики, никакой исторической последовательности.

Хронотоп "Войны и мира" и "Истории одного города" свидетельствует о том, что и Л.Толстой, и Салтыков-Щедрин стремились воплотить и проанализировать универсальные свойства русского национального характера. Оба писателя выявляют закономерности, присущие не отдельному временному отрезку, а общим чертам русского народа и свойственного ему менталитета. Уместен вопрос: в каком отношении друг к другу стояли "Война и мир" и "История одного города"?

Толстовская оценка "Истории одного города" нам неизвестна. Оценка же Салтыковым-Щедриним "Войны и мира" (в основном отрицательная; понравилась Салтыкову-Щедрину только критика высшего общества) относится лишь к начальным главам произведения

66-17757

("1805 год"), где еще нельзя просмотреть всеобъемлющий характер толстовского романа-эпопеи. В данном случае оценка одним писателем произведения другого мало что может дать для выявления внутренних связей, существующих между двумя произведениями. Связи же эти, конечно, есть. Это, во-первых, элементы сознательной полемики Салтыкова-Щедрина с Л.Толстым, с его концепцией русского национального характера, с его пониманием народа и т.п.; и во-вторых, объективные переклички между "Войной и миром" и "Историей одного города", то есть те типологические сходения, которые обнаруживаются между двумя произведениями независимо от целей и задач их авторов. В диссертации эти связи устанавливаются на основе сопоставительного анализа текстов, а также автокомментариев к "Войне и миру" и "Истории одного города", которые дают никем еще не проанализированный материал для сопоставлений. Речь идет о статье Л.Толстого "Несколько слов по поводу книги "Война и мир" и письмах Салтыкова-Щедрина в редакцию журнала "Вестник Европы" и А.Н.Пыпину.

В этих документах прежде всего был поставлен вопрос об отношении к истории историка и художника, о правде исторической и правде художественной. Вторая проблема - роль личности в истории, то есть то, что можно назвать философией истории. Если для творчества Л.Толстого такая постановка вопроса привычна, то для творчества Салтыкова-Щедрина она выглядит несколько неожиданной, но, как доказывает проведенный в диссертации анализ, вполне корректной. Обоим авторам пришлось объяснять критикам и читателям свое понимание хода истории. И Л.Толстой, и Салтыков-Щедрин видели сущность исторического процесса в непрерывной связи настоящего с прошедшим и будущим. Об этом, в частности, говорил Л.Толстой, объясняя, почему он отодвигал действие про-

изведения от 1856 года к 1825, затем к 1812 и далее к 1805 году. Историзм Л.Толстого проявляется в понимании этой связи времен, связи поколений. На той же основе базируется и историзм Салтыкова-Щедрина. "В щедринском словоупотреблении, - пишет В.В.Прозоров, - история - это прежде всего непрерывная связь времен, движение времени, естественно вбирающее в себя и прошлое, и настоящее, и будущее".¹ Как и Л.Толстой, Салтыков-Щедрин применял этот принцип вполне осознанно: так, в письме в "Вестник Европы" он подчеркивал, что явления, о которых идет речь в его произведении, "существовали не только в XVIII веке, но существуют и теперь" (УШ, 452).

О типологической схожести исторических концепций Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина говорит и тот факт, что обоим писателям критика предъявляла по сути одни и те же обвинения: в искажении исторической достоверности, в том, что изображенное ими в произведениях не похоже на бывшее в действительности, в том, что не все факты той или иной эпохи нашли отражение в их произведениях. Обоим авторам приходилось, отвечая на критику, теоретически формулировать свои воззрения и на сущность исторического процесса, и на задачи писателя-историка.

Л.Толстой так определил различие между "историей-наукой" и "историей-искусством": первая идет вширь, вторая - вглубь. Он последовательно отстаивал правду художника, отделяя ее от правды историка: "Для историка /.../ есть герои; для художника /.../ должны быть люди".² Аналогичным образом подходил к этой проблеме

¹ Прозоров В.В. "Суд истории" в идейно-художественной трактовке М.Е.Салтыкова-Щедрина // Классическое наследие и современность. - Л., 1981. -С.225.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.16. - М., 1955. -С.10. Далее цитируется по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

ме и Салтыков-Щедрин.

И в "Истории одного города", и в "Войне и мире" на первый план выходила проблема народа. При всем различии между писателями она решалась во многом сходным образом. Л.Толстой и Салтыков-Щедрин утверждали подлинный демократизм в понимании движущих сил истории. Они видели эти силы в жизнедеятельности народа, всей нации.

И "Война и мир", и "История одного города" писались в первое десятилетие после отмены крепостного права, когда, по более позднему выражению героя "Анны Карениной", "все это перевертывалось и только укладывается" (18, 346). В эту эпоху, в период исторической ломки прежних общественных отношений и Л.Толстому, и Салтыкову-Щедрину было важно понять характер народа, нации, своеобразие русского менталитета.

У Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина "мысль народная" была пробным камнем их исторических и философских взглядов, основой их демократизма. Эта сторона мирозерцания писателей была сформулирована ими в публицистике начала 60-х годов. Но здесь же обнаружились и принципиальные расхождения между ними. Для Л.Толстого народ - это "роевая", стихийная сила, действующая бессознательно и именно поэтому направляющая, определяющая ход исторического развития. Салтыков-Щедрин, напротив, был убежден, что "вся наша умственная деятельность /.../ должна быть обращена /.../ исключительно к тому, чтобы отыскать для масс выход из той глубокой бессознательности, которая равно вредна для них, как и для нас" (УП, 255).

В "Войне и мире" народная идея обусловила построение образов таких персонажей, как Наташа, Пьер, Андрей и в особенности - Кулузов и Платон Каратаев. Образ Платона Каратаева стал объ-

ектом острой полемики, в основе которой лежал вопрос о русском национальном характере. На тот же вопрос должен был ответить и Салтыков-Щедрин, создавая коллективный портрет глуповцев. В этих условиях полемический диалог "Войны и мира" и "Истории одного города" не мог не состояться.

На полемический аспект "Истории одного города" по отношению к "Войне и миру" первым указал Е.И.Покусаев: "Взгляды Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина полемически скрестились ближайшим образом на идейно-творческой трактовке проблемы народа - актуальнейшей проблемы современной им эпохи".¹ Полемика Салтыкова-Щедрина с Л.Толстым прослежена Е.И.Покусаевым на материале главы "Поклонение мамоне и покаяние". Исследователь приходит к выводу, что сатирик "критически метил в воспетые Л.Толстым "бездумность", "цельность", пассивность Каратаева, в теорию "предопределения" и фаталистического "рока". Е.И.Покусаев отмечает также, что полемика Салтыкова-Щедрина была одновременно направлена и на апологетическую трактовку этих толстовских идей в статьях Н.Н.Страхова.²

Необходимо и возможно продолжить данный анализ, а в чем-то и уточнить его. Так, полемика с Л.Толстым была начата не в главе "Поклонение мамоне и покаяние", а несколько раньше - в главах "Голодный город", "Соломенный город" и "Фантастический путешественник", которые были опубликованы в 1870 году, когда основные исторические идеи "Войны и мира" вполне определились, были хорошо известны читателям и получили оценку критиков, в частности, Страхова. Это положение доказывается в диссертации

---

¹ Покусаев Е.И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. - М., 1963. - С.101.

² Там же. - С.103-105.

анализом соответствующих текстов - художественных и литературно-критических.

Одним из объектов полемики было толстовское понятие "простоты", связанное у писателя с такими коренными свойствами русского национального характера, как вера в Бога, смирение, терпение, взаимная любовь, добро и правда и т.п. В "Истории одного города" подобная "простота" в характере Фердыщенко саркастически осмеивается.

Еще одна категория, принципиально важная для обоих писателей, - "мир" в значении крестьянской общины. Она также полемически осмысливается в "Истории одного города". В "Войне и мире" крестьянская община представляется основной формой "роевой" жизни, мыслится как идеал человеческих взаимоотношений вообще, особенно в русских условиях. Эту идею Л.Толстого подхватил и усилил в своих критических статьях Страхов. Салтыков-Щедрин и в публицистических выступлениях, и в "Истории одного города" резко выступает против идеализации общины, показывает ее беспомощность и историческую бесперспективность. Особенно неприемлемой для сатирика была идея Л.Толстого о слиянии в "мире" разных сословий, прежде всего дворянства и крестьянства. Если Л.Толстой изображает жизнь, общую всем: дворянам, крестьянам, купцам, солдатам и проч., - то Салтыков-Щедрин - противостояние народа и власти. У Л.Толстого нация едина в неизменных основах бытия, у Салтыкова-Щедрина она едина в своей незащищенности перед самовластьем.

Аналогичным образом полемически интерпретируются в "Истории одного города" и такие ключевые для Л.Толстого категории, как "терпение" и "правда". Из всего сказанного можно сделать вывод, что употребление определенных ("толстовских") лексико-семанти-

ческих рядов в сниженном плане, в ироническом контексте и т.п. есть одна из форм скрытой, но в то же время вполне осознанной полемики Салтыкова-Щедрина с Л. Толстым.

Другой богатой полемическими возможностями формой является использование общих литературных мотивов. Для детального исследования в диссертации были выбраны мотив бунта и мотив пожара.

Мотив бунта с максимальной очевидностью обнаруживает сходства и различия между Л. Толстым и Салтыковым-Щедриным в понимании национального характера. В "Истории одного города" бунт представляет собой едва ли не самую постоянную черту глуповской истории, что прямо вытекает из социально-политической проблематики этого произведения. Л. Толстой, хотя и выдвигает в качестве главной идею национального, внесловного единения, все же не может обойти вниманием и проблемы социального характера. Изображение "богучаровского бунта" - хотя и единственное, но весомое свидетельство этому. Оба писателя воспроизводят и осмыслиют в сценах бунта массовую психологию народа и обнаруживают в ее трактовке немало общего. Но здесь же начинаются различия между Л. Толстым и Салтыковым-Щедриным. То, что описывается Салтыковым-Щедриным как закономерность исторического процесса, Л. Толстой подает как некоторое исключение, сразу же подчеркивая отличия богучаровских крестьян от лысогорских. В частности, среди них почти не было дворовых и грамотных, а значит, по мысли писателя, они не были развращены цивилизацией и в наибольшей степени сохранили в себе черты патриархальности. Л. Толстой изображает бунт крестьян именно как проявление той таинственной силы, которая заключена в характере русского народа вообще. Причины бунта, по Толстому, иррациональны, что специально оговаривается автором. В "Истории одного города", напротив, в бунте глуповцев нет ничего ни исключительного, ни загадочного: он всегда вызван конкретными действиями

ми властей (или наоборот - от "безначалия"), а его глубинные причины лежат в "необеспеченности" - социальной, политической, правовой. Далее, писатели дают бунту разную эмоциональную оценку: Л.Толстой видит в нем проявление силы, с которой следует считаться и которая сама в себе несет оправдание; а Салтыков-Щедрин в гротескно-саркастической манере изображает неосмысленность бунта и его рабские формы ("... сбросили с раската Тимошку да третьего Ивашку...", "бунт на коленях" (УШ, 294,338) и т.п.). "Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!" - эти слова повествователя в "Капитанской дочке" Пушкина, очевидно, не могли не найти отражения в произведениях, где главной проблемой являлась проблема народа, нации. И Л.Толстой, и Салтыков-Щедрин, при всем их различии, были очень близки в интерпретации и оценке пушкинских слов: оба выдвигали идею милосердия в противовес ужасам бунта; у Л.Толстого она нашла отражение в эпилоге, у Салтыкова-Щедрина - в главе "Эпоха увольнения от войн". Естественно при этом, что пушкинская идея звучала у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина достаточно своеобразно.

Другим мотивом, традиционным для русской литературы XVIII-XX веков, является мотив пожара. Он так же высвечивает как сходства, так и различия между Л.Толстым и Салтыковым-Щедриним. В трактовке этого мотива нашла отражение философия истории Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина, их понимание сущности национального характера и движущих сил истории. В изображении Л.Толстого пожар Москвы - явление историческое (более даже значимое, чем Бородино), в котором вполне сказались скрытые народные силы. Не случайно поэтому Л.Толстой "проводит" через пожар своего любимого героя, ближе всего стоящего к пониманию народной правды - Пьера Безухова. Само изображение пожара дано в значительной степени через восприятие этого героя. В "Истории одного города" пожар рассматривается

автором как "горчайшее из злодеяний, которыми так обильны бессознательные силы природы" (Уш, 323). Тональность изображения пожара у Салтыкова-Щедрина не героическая и эпическая, как у Л.Толстого, а трагическая и трагико-сатирическая. В картине пожара Салтыков-Щедрин не выделяет отдельных людей, но дает образ всего народа, подавленного бедствием. Авторские отступления у Л.Толстого и Салтыкова-Щедрина, вызванные картинами пожара, также исполнены в разных эстетических и идейных тональностях. У Салтыкова-Щедрина трагизм не осложнен ни одним христианским обертоном, который у Л.Толстого как раз и "делает музыку". Второе существенное отличие щедринских авторских отступлений от толстовских состоит в отсутствии поучения.

Сопоставительный текстуальный анализ "Истории одного города" и "Войны и мира" позволяет сделать следующие выводы. В центре внимания обоих писателей были глубинные черты русского национального характера. Но их трактовка была неодинаковой, а со стороны Салтыкова-Щедрина - зачастую полемичной. Это отразилось и в поэтике обоих произведений: в характере хронотопа, в трактовке схожих мотивов, в стилистике, в самом характере номинации.

В "Заключении" подводятся общие итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы "Л.Толстой и Салтыков-Щедрин".

Основное содержание диссертации отражено в следующих печатных работах:

1. Проблема России и Запада в трактовке Л.Н.Толстого и М.Е.Салтыкова-Щедрина ("Анна Каренина" и цикл "За рубежом") // Яснополянский сборник, 1992. - Тула, 1992. -С.35-41.

2. Письма П.В.Анненкова к В.П.Боткину и А.В.Дружинину. Публикация и комментарии // Русская литературная критика. - Саратов, 1994. -С.171-186.

3. А.Ф.Бобков. Непосредственные впечатления от путешествия в Ясную Поляну Тульской губернии на похороны Л.Н.Толстого. Публикация, подготовка текста, комментарий // Неизвестный Толстой в архивах России и США. - М., 1994. -С.347-372 (в соавторстве с Б.М.Шумовой).

4. Мотив пожара в "Войне и мире" и "Истории одного города" // Сб. ст. "Толстой и о Толстом". - Вып.2. - М., (принята к печати).

5. Автокомментарии к "Войне и миру" и "Истории одного города" // Яснополянский сборник. 1996. - Тула, (принята к печати).

А.Ф.Бобков